

шенно различных языков такие произведения, как «История Иудейской войны» и «Иосиппон».⁹³

Поэтому мы позволим себе в настоящей работе кратко изложить те приемы исследования, которые убеждают в том, что данный памятник переведен с какого-либо определенного еврейского, греческого, латинского и любого другого иноязычного оригинала.

Прежде всего следует принять во внимание соображение общего характера. Ведь значительно легче объяснить возможность существования переводов с еврейского языка в киевский период развития русской книжности в том случае, если признать, что такие явления не были чем-то совершенно исключительным, как это полагает Н. К. Гудзий, называя перевод книги «Есфирь» единственно бесспорным. Наоборот, наличие литературного окружения этого перевода подобными же по содержанию и стилю памятниками делает это предположение более вероятным. Если мы обнаруживаем в целой группе переводных памятников одни и те же характерные черты стиля, одинаковые приемы передачи содержания переводимого подлинника, наконец, подобные же следы воздействия на перевод со стороны языковой основы оригинала, то не окажется слишком рискованным сделать вывод, что все эти переводные произведения возникли в одну и ту же эпоху и в одной и той же литературной среде.

В данном случае необходимо исходить из комплексного текстологического и лингвистического изучения памятника.

Поскольку при исследовании текста переводного памятника обнаружится, что его первоисточник представлен несколькими версиями на различных языках, имеющими заметные отличия в своем составе и содержании, постольку естественным будет вывод, что перевод имеет в основе ту языковую версию данного сюжета, с которой в переводе обнаруживается наибольшее количество текстуальных совпадений. Именно так обстояло дело с переводом «Есфири», оригинал которого существует в весьма отличающихся друг от друга редакциях еврейской, масоретской и греческой, представленной текстом Септуагинты. Аналогичным образом происходил, по-видимому, и перевод книги «Иосиппон», специфические черты еврейского оригинала этой средневековой хронографической компиляции очень трудно представить себе буквально повторенными в каком-то другом, нееврейском произведении.

Текстологическое изучение должно идти нога в ногу с филологическим изучением перевода, подкрепляя его и придавая ему дополнительное обоснование.

Какие же именно общие характерные черты языка мы имеем право считать доказательством того, что памятник был переведен непременно с еврейского оригинала? Здесь необходимо опираться на целый комплекс признаков.

Во-первых, это приемы транслитерации собственных имен. Между греческо-славянской традицией их передачи и традицией еврейско-масоретской и талмудической существует заметное различие. Так, если в переводе книги «Есфирь» имя персидской царицы передано как Васти(я), то в этом мы видим несомненное соответствие с масоретским 'וַשְׁתִּי (Вашти), а не с греческим 'Αστίη, что в поздних церковнославянских изданиях Библии отражается, как Астинь. Если в книге «Иосиппон» имя вождя иудейских зилотов передается как Аханань, то это снова совпадает с еврейской формой имени יְהוֹנָתָן (Иоханнан), а не с традиционной греческо-славян-

⁹³ IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии, т. I, стр. 119—120.